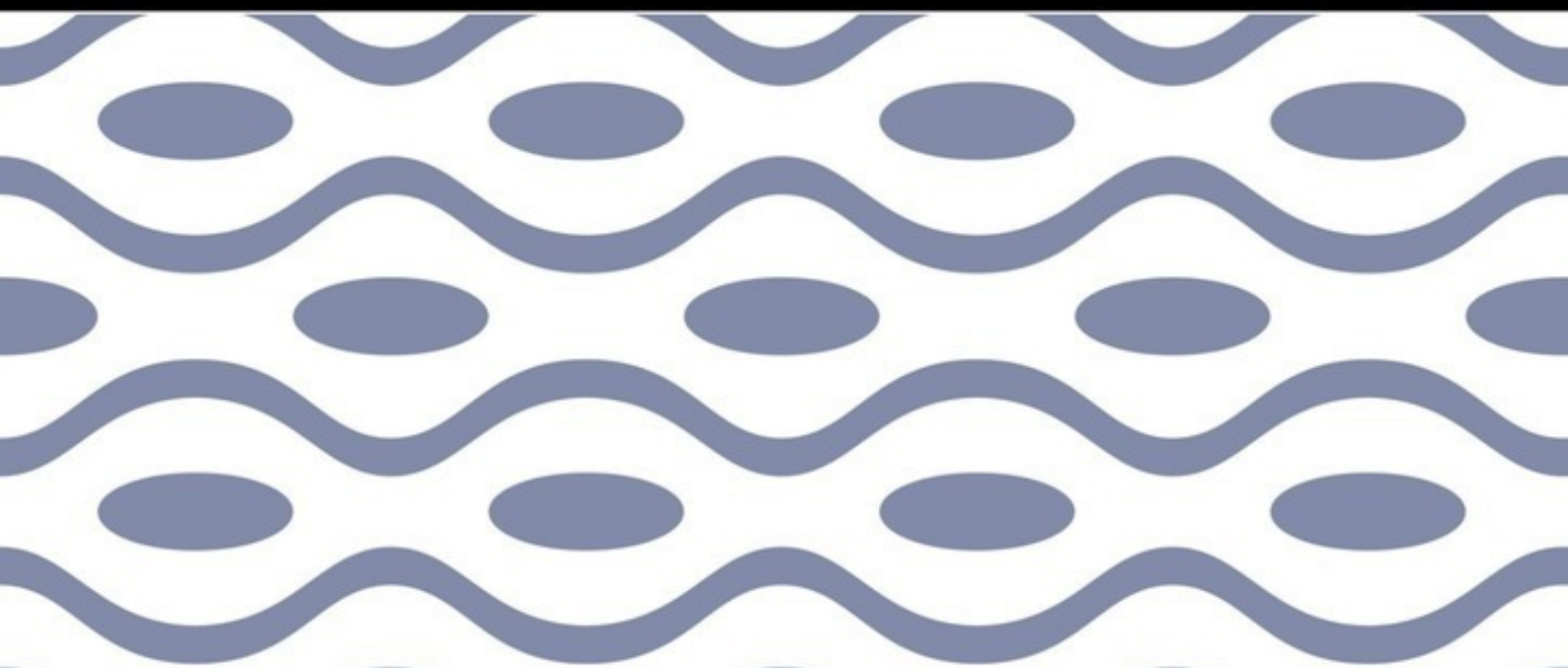

Александра Богунова

*Из масона
в консерватора:
сознательная
метаморфоза
в мировоззрении Иосифа
Поздеева*

Научно-публицистический очерк

Александра Богунова

**Из масона в консерватора:
сознательная метаморфоза
в мировоззрении Иосифа
Поздеева. Научно-
публицистический очерк**

«Издательские решения»

Богунова А.

Из масона в консерватора: сознательная метаморфоза
в мировоззрении Иосифа Поздеева. Научно-публицистический
очерк / А. Богунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837140-0

Масон Иосиф Алексеевич Поздеев — автор записки «Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы», вышедшей в 1814 г. Со слов графа Ф. В. Ростопчина, «Поздеев... человек умный, даровитый, носящий личину нелюбостяжания и христианского смирения», а потому считавший, что «в истинном богопознании почерпать должна правила и примеры» и не «позволять, чтоб ноги поднимались выше рук, или паче выше головы», что «есть сущий беспорядок».

ISBN 978-5-44-837140-0

© Богунова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Жизнедеятельность «великого авторитета партии ретроградов и обскурантов» Иосифа Алексеевича Поздеева	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

**Из масона в консерватора:
сознательная метаморфоза
в мировоззрении Иосифа Поздеева
Научно-публицистический очерк
Александра Богунова**

© Александра Богунова, 2017

ISBN 978-5-4483-7140-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Жизнедеятельность «великого авторитета партии ретроградов и обскурантов» Иосифа Алексеевича Поздеева

Историческим фактом является то, что Иосиф (Осипа) Алексеевич Поздеев (1746—1820) был одним из «главарей московского масонства конца XVIII и первой половины XIX века, ставшим при Александре I признанным руководителем старых масонов». Это отразилось, как мы впоследствии увидим, на ходе русской истории. Поскольку, «не заговорщики-декабристы», а именно «приверженцы идей крепостника И. А. Поздеева (С. С. Ланской) в результате длительной работы смогли изменить к лучшему жизнь в стране».

Имя Иосифа Алексеевича Поздеева не без оснований вызывает в сознании историков злейшую картину русского крепостничества, основанную на принципах ультраконсерватизма. Вслед за историками прошлого века не многочисленное количество современных исследователей Александровской эпохи, касавшихся личности Иосифа Поздеева, также отмечают его реакционные воззрения.

Итак, какая же метаморфоза произошла в сознании этого человека, приведшая к столь радикальному пересмотру собственных воззрений? Человека уже немолодого и зажиточного? Ознакомимся с некоторыми фрагментами биографии масона высших степеней посвящения — И. А. Поздеева.

Существуют два предположения по поводу года рождения Иосифа Алексеевича Поздеева: одни источники упоминают дату «около 1742г.», другие называют днем его рождения точные число и год — 4 апреля 1746 года. Он был выходцем из дворянского сословия и внуком стольника Василия Матвеевича Поздеева (1715г.). Шестнадцать лет проживал в Санкт-Петербурге. Отец Осипа Алексеевича — капитан 2-го гренадерского полка Ландмилицкого корпуса (в 1749г.) Алексей Васильевич Поздеев. О матери Осипа Алексеевича информация отсутствует.

В Энциклопедии Брокгауза и Ефрона находим следующие сведения: «Поздеевы — дворянский род, восходящий к началу XVI века. Дьяк Марк Мартемьянович Поздеев подписал грамоту об избрании на престол Михаила Федоровича (1613), ездил в Англию (1616), был дьяком при воеводах в Астрахани; за злоупотребления, вызвавшие ссору с крымским ханом, подвергся царской опале, с отобранием вотчин и поместий; позже был вновь дьяком московского судного и разбойного приказов. Богдан Поздеев был при царе Михаиле дьяком разбойного и печатного приказов. В XVII веке многие Поздеевы служили стольниками и стряпчими. Полковник Осип Алексеевич Поздеев (умер в 1811 г.) был известным масоном. Этот род Поздеевых, внесенный в VI часть родословной книги Московской губернии, пресекался во второй половине нынешнего столетия, и фамилия его передана Шубиным (Гербовник, VI, 52). Другой род Поздеевых, восходящий к началу XVII века, внесен в VI часть родословной книги Псковской губернии. Донской казачий род Поздеевых восходит к началу XVIII века, когда члены его уже были войсковыми старшинами». Здесь, как мы видим, есть расхождения и в дате смерти О. А. Поздеева (указан 1811 год, а не 1820).

Из служебной деятельности И. А. Поздеева известно, что он в 1774 году являлся дежурным офицером при усмирителе Пугачевского бунта графе П. И. Панине, (что очевидным образом сказалось на системе его взглядов и принципов в отношении «крестьянских свобод»), но в том же году Поздеев вышел из военной службы в отставку с чином полковника. В феврале 1777г. Осип Алексеевич принял решение вступить в законный брак с некоей Екатериной Михайловной, которая пережила супруга на 14 лет и скончалась в 26 ноября 1834г. У них было семеро детей. Сыновья Поздеева: Алексей, названный в честь деда, в 1822г. отставной капи-

тан-лейтенант флота, живший в Красном селе, где у него в доме проходили масонские собрания; Иван так же, как и брат, служивший на флоте; Николай, во многом повторявший их судьбу; Петр, начавший свой жизненный путь, как гардемарин, и внезапно умерший в 1807г., и Александр, мичман, который в сентябре 1818г. трагически погиб «по неосторожности», а также дочери – Любовь, в замужестве Шубина, и Мария.

О. А. Поздеев был известным помещиком и крупным собственником в Вологодской и Псковской губерниях (Новоржевского уезда). В 1779г., будучи отцом столь обширного семейства, он приобрел имения в Кадниковском уезде Вологодской губернии. В январе 1797г. Поздеев пережил в своем любимом имении бунт крестьян. Вероятно, это происшествие послужило причиной переезда в 1799г. поближе к Москве, в село Чистяково. Абсолютно точно можно утверждать, что следствием Отечественной войны 1812 года и пережитого им в своем имении бунта стала его знаменитая записка, называвшаяся «Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы», составленная им позже, в 1814 г., по поводу слухов об освободительных намерениях правительства и напечатанная без имени автора в «Истории российской академии» М. И. Сухомлинова. Принадлежность ее О. А. Поздееву доказывается письмом его к А. К. Разумовскому в книге А. А. Васильчикова «Семейство Разумовских». В ней он говорил не только о крестьянском вопросе, но и о вреде свободных учреждений вообще, встревоженный слухами о «конституциях»; вооружался против «учености» среди крестьян, которые должны только знать, что нужно «не лгать, не воровать и не обманывать, не пьянствовать, а повиноваться властям», а также и о том, что нельзя допускать всякого стремиться к перемене своего состояния: «Позволять, чтобы ноги поднимались выше рук, или паче выше головы, есть сущий беспорядок». Он не допускал дискуссий о необходимости и возможности крестьянского просвещения. Необходимым условием последнего мыслится преданность власти, выступающей гарантом общественного единства и благоденствия верно-подданных, т.е. помещику, как госчиновнику, являвшемуся крестьянству в данной конкретной ситуации в лице О. А. Поздеева. «Эти мысли Поздеев в 1817 и 1818 гг. повторял в своих письмах к С. С. Ланскому и А. К. Разумовскому, когда снова распространились слухи о близком освобождении крестьян. В них тот же обскурантизм, то же циническое презрение к простому народу, который он считал неподготовленным к дарованию ему свободы».

Исследователь А. К. Богданов пишет: «Убеждение в том, что крестьянское сословие интеллектуально недееспособно и требует властного надзора, лежит в основе известной резолюции Петра по поводу возможности введения в России шведской системы приходского самоуправления: «Из крестьянства умных людей нет». И далее по тексту изложена следующая мысль: «В социальной повседневности городской и крестьянской России XVIII – XIX веков отношение к новизне определяется степенью идеологического доверия к традиционным ценностям культуры. Сопrotивление новшествам в этих случаях так или иначе релевантно страху перед нарушением тех социальных и культурных гарантий, которые предположительно могут быть такими новшествами вызваны».

Историко-этнографические и фольклористические исследования показывают, что для подавляющей части сельского населения дореволюционной России неприятие новшеств – характерная особенность коллективистского умонастроения. Процессы модернизации русского общества обнаруживают несравнимо большую динамику в городской, нежели сельской (суб) культуре. Известное противопоставление «двух России» XVIII – первой половины XIX века с этой точки зрения несомненно оправдано».

Исследования колониальных и аграрных обществ XIX века показывают, что правовая ситуация в России обнаруживает очевидные аналогии с историей административного контроля в колониальных странах: в России в роли «колонизируемых» выступают крестьяне, а в роли «колонизаторов» – царские чиновники».

Восприятие власти в терминах патернализма было при этом, как можно судить, встречным: в глазах крестьян «сыновье» повиновение властям предопределялось традиционными представлениями о сакральной природе царской персоны. В своей массе, как показывают исторические документы, крестьянство остается верным «царистским иллюзиям» до конца XIX века. «Характерным образом распределялись коммуникативные и символические роли властей предрежащих и подданных, равно апеллировавших к авторитету царской власти и ее „отеческой“ заботе о населении империи», – читаем мы у А. К. Богданова. Только часть крестьянского населения России могла воспрянуть «супротив угнетателя-помещика», сознательное большинство же терпело и молилось на гарантированную стабильность безвыходности своего положения, четко отдавая себе отчет в незыблемости сложившейся традиции.

Но опасность существовала. Граф Ростопчин говорил о ней следующим образом: «Толк о мнимой вольности подымет народ на приобретение оной истреблением дворянства, что есть во всех бунтах и возмущениях единая цель черни». Да и в замыслах французов эта ситуация была более чем желанна: «Доктор француз Миливье, лет двадцать живший в России, несколько раз ездивший во Францию, уверял Наполеона, что, как только французы появятся под Москвой, крестьяне восстанут против своих господ, и вся Россия будет покорена». Именно поэтому «Поздеев полагал, что воля человека изначально связана злом, что поэтому человек в свободе не может сам идти к добру. Из-за этого Богом и установлено руководство людьми в виде „начальств“, действующих по его правилам. Но конкретно та свобода, которую Поздеев мог ненавидеть, для него представлялась в виде гражданской свободы и освобождения крестьян. Именно со стремлением к последнему он боролся больше всего: иногда аргументами с абстрактной теорией ничем не связанными, боролся и на деле, как помещик, крестьяне которого переведенные с оброка на барщину и обедневшие от эксплуатации, применяли участие в крестьянских волнениях павловской эпохи».

Осип Алексеевич был строго принципиален и последователен в проведении своей линии и внедрения взглядов в жизнь. К этим мерам вынуждала сама общественная атмосфера в стране в преддверии 1812 года, а до этого в момент Пугачевского бунта и после них: «Погоди немного, – и так будем все вольные: французы скоро возьмут Москву, а помещики будут на жаловании». Иванов, услышав это, сказал: «Дай Бог, нам тогда лучше будет». А поэтому «велено было сообщать о всех делах „по важным преступлениям“ и измене против „общего“ спокойствия и безопасности», ... московскому главнокомандующему Гудовичу «усугубить при теперешних обстоятельствах полицейский надзор во всех тех местах, где народ собирается, в особенности ж по питейным домам, трактирам и на гуляньях, и иметь бдительное внимание к разговорам и суждениям черни, пресекая всякую дерзость и неприличное болтанье в самом начале и не давая отнюдь распространяться», а петербургскому главнокомандующему Вязмитинову, управлявшему тогда министерством полиции, ... обратить особенное внимание на выходящие в свет «сочинения о предметах политических» и на журналы и другие «периодические листочки». Гудович отвечал, что деятельность полицейского надзора в Москве «доведена до совершенства... Между благородными и иностранцами есть особливые секретные наблюдатели, почитаемые за их друзей, а равномерно по всем трактирам, шинкам и другим народным сборищам, где бдительнейшее они имеют внимание ко всяким разговорам и суждениям».

Надо заметить, что, как помещик, О. А. Поздеев был ярким крепостником и жестоким притеснителем своих крестьян. Их Поздеев, как видно из челобитной, поданной на имя императора Павла, обременял чрезмерными работами, подвергал «нещадным» телесным наказаниям, распродавал в рекрута. Пользуясь крестьянским трудом, он устроил в имении Нелюбовском, Вологодской губернии, стеклянный завод, для которого требовал, чтобы каждый мужчина от 15 до 70 лет доставлял в год по 30 сажень дров и по 30 четвертей золы. Многие крестьяне от тяжелых работ, суровых наказаний и всяческих притеснений бежали из его вотчины.

Это, однако, не заставило Поздеева изменить свои отношения к крепостным; напротив, чтобы по-прежнему удовлетворять потребностям завода, он еще более увеличил повинности, потребовав с каждого тяглого работника по 3 четверти золы и по 3 сажени дров в неделю, за неисполнение чего жестоко их наказывал. Такие суровые отношения вызвали, наконец, возмущение крестьян. Впрочем, сам О. А. Поздеев объяснял это возмущение, сравнивая его в своих инсинуациях с Пугачевским бунтом, «желанием безначальства», «дабы не было дворян», и требовал в своих посланиях к И. В. Лопухину, собрату по масонству, бывшему тогда в большой милости у государя, солдат для усмирения их «экзекутного духа» ... Поздеев, так относившийся к крестьянам, несмотря на нравственные доблести, требуемые масонским орденом, не мог быть сторонником уничтожения крепостного права. Освобождение крестьян его очень тревожило, было постоянной темой его бурных дискуссий и выступлений в частной переписке, которая при его значении в среде высших масонских степеней и внутри дворянского сословия, могла иметь и имела широкий резонанс. С. С. Ланской и А. К. Разумовский, а также и другие влиятельные лица, сделавшись масонами, смиренно выслушивали наставление и разглагольствования «обскуранта». Он собирал все свое красноречие, все свои доводы, чтобы убедить важных сановных лиц в ужасных, по его мнению, неминуемых последствиях такого необдуманного шага правительства. С помощью этого же «красноречия» ему удалось успокоить своих крестьян и убедить их повиноваться в дальнейшем. Позже сам «император Александр, видя, что война с французами неизбежна, и опасаясь волнений, заранее подготовлял меры для их подавления. С этой целью в каждой губернии должно было находиться по полубатальону в триста человек» ... Зная, что «какие-то люди в немецком платье проповедовали с телег собравшемуся народу, чтобы они не пугались Бонапарта» и «о возникшей между тамошними крестьянами «старобрядческой секты», инициаторы которой (из числа самих крестьян), «делая с них разные поборы угрозами» и «обещанием свободы из владения помещика» и царствия небесного, «записали уже в раскол свой более полуторы тысячи душ», он был вынужден пойти на такую экстренную и оправданную меру именно как глава государства. Но не стоит забывать, что были в крестьянской среде и истинные патриоты, сражавшиеся с захватчиками-французами в партизанских ополчениях: «Да обратится каждый из храброго воина паки в трудолюбивого земледельца и да наслаждается посреди родины и семейства своего приобретенною им честью, спокойствием и славою».

В 1781г. О. А. Поздеев вступил в членство Дружеского ученого общества. А затем, с 1782 по 1784гг., состоял начальником (правителем) канцелярии Московского градоначальника (губернатора) графа З. Г. Чернышева и до 1786г. жил в Москве. Именно в этот период, как утверждает А. А. Половцов, Осип Алексеевич Поздеев поселился на жительство в 50 верстах от Москвы, в селе Чистякове, где проживал до 1812г., пока погром французов непосредственно не затронул его самого, чем и вынудил впоследствии снова переселиться со всей своей семьей в Кадниковский уезд Вологодской губернии в имение Нелюбовское, где около 1787г. Поздеев построил стеклянный завод, находившийся в 10 верстах от его деревни. Здесь он прибывал с ноября 1812 по июль 1817гг. Побуждая людей, которым он симпатизировал, последовать его примеру, О. А. Поздеев (к С. С. Ланскому) писал: «Из сельца Нелюбовского за Вологодой, 25 октября 1812 года.

Благодарю покорно за письмо Ваше от 7 октября. Весьма я обрадован письмом Вашим. Слава Богу, что Вы здоровы. Правда, что перед отъездом из подмосковной я был весьма нездоров, но, слава Богу, ненадолго. Успел в Москве побывать незадолго перед французами.

Весьма жаль, что барометр у Вас по человеку, который в прошлую войну весьма плохо себя зарекомендовал, а и ныне в Москве не лучше действует. Слава Богу, что г-ну Витгенштейну разрешено действовать наступательно: в войне выкажутся полководцы. В Англии, во время опасности высадки, заповедан был пост на три дня, и Господь бурю отвратил.

Что надлежит до Вас, то Вы решите ехать, по слуху обстоятельств, кажется, рано. А если придется ехать, то я бы советовал в нашу страну; а именно – нет ли у Вас деревень в Вологодской губернии, в Ярославской, по эту сторону Волги-реки, т.е. в Вологде, или в Углицком уезде, или в Пошехонском, хоть небольшая деревня, то велели бы ныне зимой построить небольшой домик, и в деревне никто не осудит. А ежели бы хотя недалеко от Вологды и принуждено было Вам жить, я бы рад был. А домик велите себе построить, сделавши планец, комнат в пять, не для церемоний, а для покоя. К здешнему краю государства многие уехали, ибо он далее от неприятеля и ему не завиден. А в Кострому приехало, пишут ко мне, 560 лучших государственных (не одних мужчин, а фамилиев) семейств, то и Вы подумайте; а домик в деревне много ли стоит. Постройте зимой, пошлите надежного человека, из своего лесу или купите избы четыре, да сведут вместе и выйдет дом, а кухню сделают из крестьянской избы. Теперь нам надо привыкать жить по-лагерному. Видите, какое время. Не нам, а кто и лучше нас, и те в месте пребывания не уверены.

Впрочем, дорога и почта из Петербурга до Вологды теперь самая по сию пору безопаснейшая; даже и Лодейное Поле для чего назначено близ Вытегры, сами Вы, я думаю, знаете: оно отсюда 300 только верст. А если уже придется Вам ехать, весьма бы я рад был, коли бы близко меня Вы жили. Жаль весьма, что Вы не написали адреса, где Ваш дом в Петербурге, как надписывать к Вам письмо, без чего неверно писать, и я не уверен, что письмо мое до Вас верно дойдет, ибо Петербург не Вологда.

Желаю Вам здоровья и во всем милости Господней и есмь Ваш и проч.».

Но с декабря 1817г. О. А. Поздеев вновь переезжает в Москву, поскольку, как духовный руководитель масонов, он должен был быть и действовать именно там, а 24 апреля 1820г. он скончался. Осип Алексеевич Поздеев был похоронен в Спасо-Андрониевом монастыре в Москве, как и его сын Алексей.

Таким образом, «имя Поздеева связано с историей масонства в России и с крестьянским вопросом, тогда уже решительно выступившим на сцену общественной жизни.

Еще до 1782г., когда русское масонство не имело самостоятельной, независимой от западно-европейского масонства, организации, Поздеев занимал среди масонов первенствующее место, наряду с Новиковым и Шварцем“. Разумеется, Осип Алексеевич был масоном высших степеней посвящения, об этом говорит уже сам его статус. В 1785 году О. А. Поздеев вступил в русское розенкрейцерство, которое, со слов Сперанского, представляло собой „смесь мистицизма, политики и религии“, а о „шведских“ ложах он вообще отзывался не лестно: „состояли из невежд и дураков“. Есть мнение, что Осип Алексеевич „остался чуждым тех алхимических исканий, которые так увлекли А. М. Кутузова“. Но существует и другая точка зрения относительно этого утверждения, опровергающая предшествующую: „О. А. Поздеев развивал активность в московских ложах «Нептун» и «К Мертвой Голове» с упором на постижение литературы по алхимии и магии“. „Братья «Нептуна» усиленно занимались изучением алхимической и магической литературы, причем им предписывалось избегать «отягчения и развращения ума многим чтением вольнодумных книг». Также историк О. Соловьев отмечал в мировоззрении Поздеева крайний мистицизм, которым он «стремился сплотить вокруг себя мартинистов на базе увлечения оккультизмом для полной изоляции Новикова». «Розенкрейцеры столичных лож „Умиравший Сфинкс“ и „К Мертвой Голове“ выделили группу членов для занятий по актам „теоретической степени Соломоновых наук“, сиречь хиромантией». Видимо, в итоге пришлось отойти от данной практики, так как «снизились приток новых адептов из-за разочарования религиозно-мистическим содержанием работ при усилении мистики и открытого верноподданничества властям». Но для начала О. А. Поздеев так наставлял своих сторонников и адептов: «Помните, что работа ваша есть повиноваться и молчать, и мир сей весь считать за единое ваше проходное училище. Не привязываться к никакому его углу, не делайте из того себе собственность и приводите себя, будучи в мире, в такое равнодушное

положение, чтобы вам до миру, что в нем не производится, не было нужды». Далее Соловьев поясняет: «Иными словами, то была проповедь отказа от участия в земных делах ради чуть ли не благодати в загробном царстве, как, впрочем, учат многие религии, призывая к смирению и покаянию... Представители подобного течения касательства к политике почти не имели, но, вероятно, они тяготились правлением нового императора». Вопрос спорный, так как сам автор ниже констатирует, что «там царствовал консервативный дух, приверженность самодержавию, ненависть к проявлениям вольнодумства». «Тайны Директории ничего „не заключают против религии, отечества, государя, нравов и человечества“, – цитирует О. Соловьев, – желающие повышения мастера должны быть действительными членами одной из лож ВПЛ (Великой Провинциальной Ложи – уточнение А. Б.), принадлежать к христианской церкви, „покровительствуемой или терпимой в государстве“, отличаться приверженностью монарху, уважать законы, иметь доброе имя, возраст по крайней мере 25 лет, нрав кроткий и добрый». Не допускались лица «неверующие и неприятели религии», поддерживающие тайную переписку с врагами государства, и участники заговора, кои покушались «нарушить общественный порядок», люди развратного поведения, игроки, ростовщики, лихоимцы, пьяницы. Масон, узнавший о заговоре «обязан тотчас извещать о том правительству, как законы повелевают». Автор приходит к заключению: «Тем самым уставными документами подчеркивалась верность христианству, самодержавию и его установлениям. Разумеется, то были не одни пустые заверения, а повседневная практика внутренней жизни братств».

Историк А. Н. Пыпин называл розенкрейцеров партией «ретроградов и обскурантов», потому что «„орденские дела“ оказывались действительно вредными обскурантизмом всякий раз, как только они приобретали практическое значение». Но в то же время, Пыпин отделяет московских розенкрейцеров от иллюминатов, так как первые «говорили о нем с настоящим ужасом», и эти «разоблачения производили между ними переполох». «Старые розенкрейцеры вообще были упорными мистиками, – пишет академик А. Н. Пыпин. – Розенкрейцерские предания верно сохранялись адептами этой школы и отчасти переходили в наследство к новым масонам. В царствование Александра они почти не участвовали в новых ложах, к которым, по крайней мере сколько известно до сих пор, не приступали ни Новиков, ни Гамалея, ни Лопухин, ни Поздеев, ни Карнеев и проч.; но они сохранили великий авторитет у новейших мистических масонов, и имели большое косвенное влияние на новые ложи». Широко известна переписка С. С. Ланского и М. Ю. Виельгорского с Поздеевым. Записные книжки с заметками о беседах с О. А. Поздеевым хранились ими как великая ценность. О. А. Поздеев предписывал «избегать всего, что противоречит правилам благонравия (разговоров, компаний, сомнительных сочинений и прочее)». «Поздеев в своих беседах сообщал им чисто розенкрейцерские „познания“ и наставления» – «изречения иногда весьма курьезные и характеристичные». Вопреки всему в его наставлениях снова звучал уже нам знакомый мотив: «Если случится говорить с государем, то должно бы так говорить с ним, н. п. М. – (т.е. масонство) приуготовляет ему людей верных, знающих, бескорыстных, боящихся Бога и приверженных ему, и О... (т.е. орден) мысли даже не позволит войти, могущей противной быть верности».

Помимо этого розенкрейцеры рекомендовали и распространяли нелепую алхимическую и магическую литературу. И этой тенденцией не без основания «казались подозрительными людям просвещенным и рассудительным», что побуждало «многих этих врагов розенкрейцерства» вступать в орден с специальной целью «противодействовать помрачению умов вследствие распространения множества мистических сект, шарлатанства и предполагаемого иезуитства». Так, например, Вейсгаупт, чтобы придать больше сил своей борьбе, принял для своего ордена «обычные», «всем известные», масонские формы, но вложил в них иную суть – либеральную и просветительскую философию конца XVIII века. Это не могло не сказаться на ложах, как с положительной, так и с отрицательной стороны. Есть вероятность, что Поздеев, следуя примеру «своего германского друга», мог отстаивать внутри ордена консервативную

позицию на фоне розенкрейцерской абстракции, включая проблему решения «крестьянского вопроса», потому-то восприятие его персоны носит до сих пор как минимум двоякую окраску и скорее негативную, чем положительную. Но есть факты заставляющие нас начать мыслить по иному.

Очень не устраивало заграничных масонов нахождение в рядах русского масонства такого количества «худших консерваторов», «политически безупречных», повально увлеченных филантропией, и близких к царскому двору. «Согласно сведениям иностранных архивов», американский профессор Лейтон отмечал, «руководство „Астерии“ пыталось в 1816—1818 гг. установить контакты с орденскими послушаниями США и Великобритании. Е. Е. Эллизен направил в так называемый Верховный совет 33-й степени в Чарльстоне (США) письмо, информирующее об истории создания своей Великой Ложи. А начальству Объединенной Великой Ложи Англии он сообщал о желании „войти с ней в более тесную связь“, учитывая в отношении ее „чувства большого и искреннего почитания“. Общий вывод Лейтона сводился к констатации „рабской приверженности масонов“ царскому правительству, ибо они без устали прославляли монарха в стихах и прозе. Равенство понималось ими в сохранении чувства собственного достоинства перед высшими чинами или же как равенство адептов. Проповеди гуманности, братства носил абстрактный характер. Распространяясь иногда о человеколюбии к крепостным, они „совсем не возвышались до идеи противоестественности рабства и необходимости его уничтожения... Крепостной мог иметь внутреннюю свободу, свободу от греха и ничего более“. Все это соответствовало идеологии самодержавия и особости благородных», – заключал автор книги.

То есть, мы видим не типичную для общего понимания картину масонства: ее особенный, феноменальный, вид – русское масонство консервативного толка, ратующее за судьбу Отечества в традиционном для него охранительном духе.

В числе выразителей консервативных воззрений стали следующие небезызвестные личности: Державин, Карамзин, Шишков, Поздеев. Интересен факт, что «еще в самые первые годы царствования императора Александра, Лагарп указывал своему прежнему ученику на разумное самодержавие, как на величайшее благо, и вместе с тем отговаривал государя действовать слишком решительно в крестьянском деле, советовал избегать даже слова «освобождение», заменяя его выражением «улучшение в экономическом быте». Карамзин, противник взглядов Сперанского, по утверждению В. И. Семевского, в записках «О древней и новой России» обнаружил самые крепостнические взгляды и протестовал даже против запрещения торговли рекрутами, соглашаясь лишь на то, чтобы «под рукою» были приняты меры для обуздания жестоких помещиков, что не маловажно.

Как утверждал русский историк либерально-народнического направления, доктор русской истории В. И. Семевский, «деятельность представителей литературы, науки и журналистики в царствование Александра I имела также весьма плодотворное значение для правильного развития крестьянского вопроса; но, к сожалению, их полезное влияние уменьшалось постоянными препятствиями со стороны цензуры». Но неминуемо «мысль лучших людей в самых влиятельных сферах направлялась на обсуждение политических реформ в то время, когда Россия действительно нуждалась в социальных преобразованиях». Но Россия нуждалась в постепенном уничтожении крепостного права, и желание отодвинуть час освобождения у многих основывался не только на государственных соображениях, но и на чисто эгоистических расчетах помещика-землевладельца. Это при узком взгляде на проблему. Размышляя более глобально, можно увидеть, что неспроста многие держались за крепостничество – это подрывало русский патриархальный устой – традицию, вело к колебанию основ государственности и ее разрушению в конечном итоге. При этом нередко рассмотрение вопроса об освобождении крестьян, так или иначе, связывалось с вопросом о свободе политической. «Отдельные случаи такой постановки дела, – пишет Семевский, – мы видели еще в царствование импера-

трицы Екатерины (гр. Н. И. Панин, кн. Е. Р. Дашкова). С тех пор Россия пережила четырехлетнее суровое правление Павла, и следствием его было то, что и наше общество, и сам император Александр стали, прежде всего, мечтать о создании прочных гарантий от подобного беспримерного произвола», исходящего как от царственной персоны, так и от преступной анархии «верноподданных». Установленный из-за этого общий для всех течений цензурный террор препятствовал гласному и подробному обсуждению крестьянского вопроса в печати, «за то он был предметом многих записок и проектов, распространяемых в обществе или представляемых государю в рукописи». Ни вольное экономическое общество, обнародовавшее на 1812 г. задачу «о сравнительной выгоде крепостного и вольнонаемного труда», на-веянную классическим сочинением Адама Смита, появившимся в русском переводе в первое десятилетие XIX века, ни «целые программы мер, необходимых для ограничения крепостного права», из присланных 14-ти (сочинение профессора харьковского университета Якоба, увенчанное при этом «медалью в сто червонцев, изготовленную на средства государя»), ни проект русского автора, занявший второе место после Якоба, считавшего «экономическое положение наших крепостных более благоприятным, чем безземельных работников в западной Европе», ни затрагивание вопроса о крепостном праве в университетских лекциях известными учеными и профессорами статистики, ни произведения изящной словесности (в том числе и стихотворения Державина, «звучавшие консервативными струнками»), ни статьи непосредственно консервативного направления, в которых была «совершенно справедливая мысль о вреде безземельного освобождения» – ничто не было избавлено от цензурных гонений, даже имевшее собственную цензуру! И в это просматривалась «весьма постыдная для вольного экономического общества история», как, собственно, и для любого другого внутри страны, а также степень опасения и ощущения грозы. «Рядом с мнением о «даровании конституции», мы наблюдаем консервативное течение и в политическом, и в социальном отношении,» – констатирует Семевский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.